

18+

Листья падали...

Лит.объединение "Олимп"

Виктор Серов
Листья падали...

«Издательские решения»

Серов В.

Листья падали... / В. Серов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517091-0

«Среди множества ремесел и искусств, воздействующих на человеческую душу, нет силы более доброй и более беспощадной, чем поэзия. Она все может. Я утверждаю: она сильнее ядерной бомбы — разрушающее и творящее слово, пропитанное кровью любящего сердца, светом духа. Нет подчинения более добровольного и более неодолимого, чем подчинение поэзии. Нет любви более вознаграждаемой, чем любовь к поэзии. Любящий поэзию — дважды поэт!»

ISBN 978-5-00-517091-0

© Серов В.
© Издательские решения

Содержание

О поэзии, о поэтах и в общем...	6
Виктор Серов	7
Как будто о себе...	7
Я пришлю тебе осень...	9
Сегодня так модно – вокзалы и Осень...	10
Знаю, что не тропа ведёт...	11
Ты такую далёкою кажешься...	12
Нервы	13
Румяна холодных закатов...	14
Возможно, кому-то ответят когда-то...	16
Листья падали...	17
Леший	18
Чай покрепче заварю зимним вечером...	21
Мне дали шанс услышать тишину...	23
Понедельник. Утро...	24
Поэту крылья даны с рожденья...	26
Нина Чигрина	27
Побег из ада	27
Семейная фотография	29
Письмо из прошлого	30
Дежавю	32
Сапоги	33
Миражи	34
Ржевский мемориал	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Листья падали...

Виктор Серов *Редактор*

Виктор Серов *Иллюстратор*

Виктор Серов *Дизайнер обложки*

© Виктор Серов, иллюстрации, 2020

© Виктор Серов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7091-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О поэзии, о поэтах и в общем...

«Стихи не пишутся – случаются», “ Я пишу, как дышу...” Но простота создания стихотворения кажущаяся, обманчивая. Поэтическое творчество – это труд, упорный, тяжелый, не всегда успешный. Марина Цветаева писала: «Я всегда разбивалась вдребезги. И все мои стихи – те самые, серебряные, сердечные дребезги». В стихах поэт отдает читателям душу, свои силы, свое сердце.

Выстрадать каждое стихотворение, за каждое слово платить любовью, не жалеть своей любви, своей души – в этом судьба поэта. Помнить о высоком назначении поэзии, не идти на поводу у черни, толпы – эгоистичной, корыстной, равнодушной, ждущей лишь угождения своим вкусам, оставаться независимым, бескорыстным, взыскательным и строгим к себе, мужественно встречать «суд глупца и смех толпы холодной» – в этом судьба поэта. Она всегда нелегкая.

Стихи умеют терпеливо ждать своего часа. Некоторые забываются очень быстро, еще при жизни их авторов. Настоящая же поэзия – всегда с читателем, и даже запрещенная, спрятанная, она всегда возвращается и помогает людям жить. Поэзия, как впрочем, и любое другое дело, которым вы увлечены – это и есть тот плот, который поможет уплыть «из монотонных будней», от пошлости, серости и скуки в мир красоты и вдохновения.

*РДК пгт. Максатиха.
Лит. Объединение «Олимп».*

Виктор Серов пгт. Максатиха

Как будто о себе...

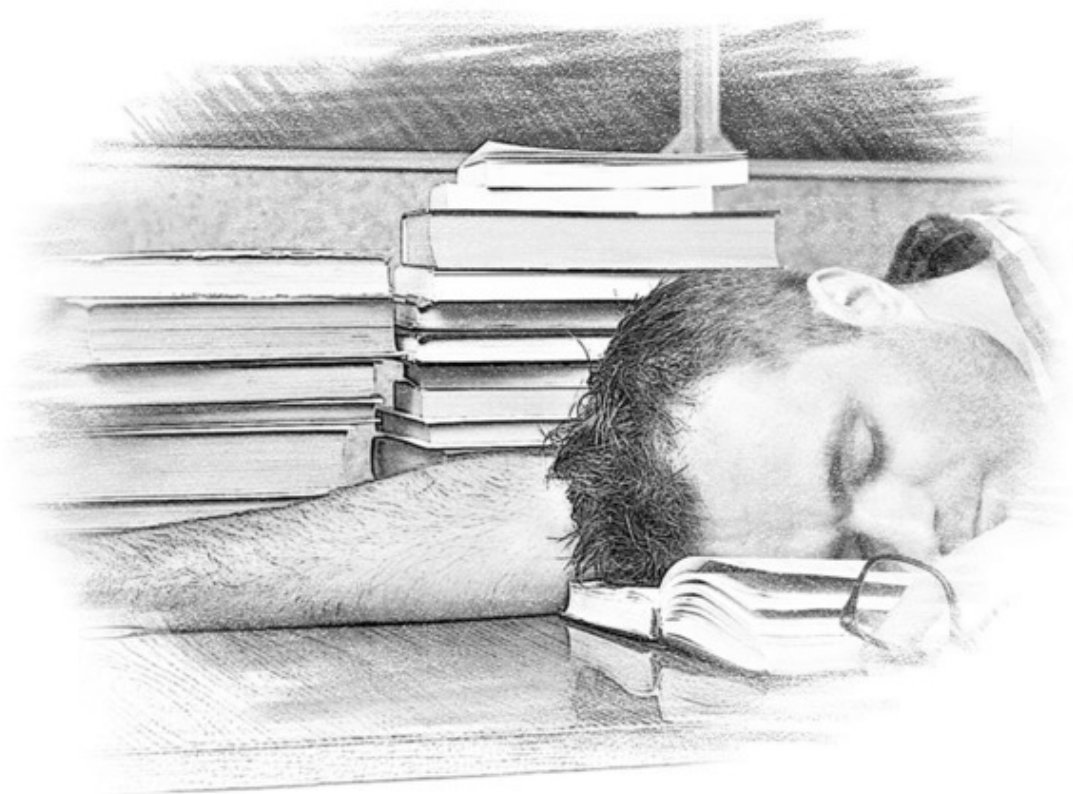
В чужих стихах, на книжной полке пыльной
Терялся я, плевав на сон и ночь,
И до утра, в словесном изобилии,
От серой скуки плыть пытался прочь.

Я ждал свой ветер, но меня носило
И прибывало вновь к моим пескам,
А я всё грёб, пока хватало силы,
На свет столпов к далёким маякам...

Сводило руки, боль сковала шею,
Застыла соль в углах опухших глаз —
Ну вот, приплыл... плясали свето-тени,
А на столе смеялся Пушкин А.С...

О, берег мой – пусть ты бываешь скучен,
Но за спиной всегда родной причал
И мой язык – великий и могучий,
Опять влечёт меня в мой океан.

И вновь на сон плевав и на усталость,
Я, словно старый, мудрый книжный червь,
На пыльной полке с рвением копаюсь,
Чтоб убежать от скуки и от нерв...

Я пришлю тебе осень...

Я пришлю тебе осень
Не в письме – бандеролью,
Ту, далёкую – в просинь,
Где мы были с тобою.

Где тебя провожал я...
Адрес тот же? Я помню.
Где когда-то желали
Быть навеки с тобою.

Я букет из кленовых
Тебе листьев отправлю —
Тех, бордово-палёных...
Помнишь, как мы играли?

Помнишь, как запускали
По реке наши звёзды? —
Мы тогда и не знали,
Что разлуки так слёзны...

Я пришлю тебе дождик —
Соберу его капли,
Погрусти со мной тоже —
Не дожди виноваты.

Не ветра, не морозы —
Сами портим погоду...
Я пришлю тебе розы
За ушедшие годы.

Я пришлю тебе зиму
И рассветы, и лето...
И немую картину,
И письмо без ответа.

Не пиши мне – не надо,
Пусть останется осень,
Лишь она мне отраднa,
Только с ней довелось мне...

Только с нею спокойно —
Листья в вальсе кружатся
И прощаясь достойно,
Мне под ноги ложатся...

Сегодня так модно – вокзалы и Осень...

Я видел тебя – ты была у вокзала,
Встречала кого-то... наверное Осень...
Когда-то другая вот так вот стояла...
А я-то всё думал, что ветер уносит.

А я-то всё думал, что листья шуршали...
Теперь же ветра не плащи развевают,
А гонят по небу сырые печали
И вечером грусти с перронов смывают.

Опять ты встречаешь, а может и вовсе
Бежишь – да бежишь, – от кого? Не от Лета?
Сегодня так модно – вокзалы и... Осень,
И модно бежать не дождавшись ответа...

Знаю, что не тропа ведёт...

Не из прошлого, не с грядущего —
Почерпну покой с настоящего, —
Не хочу забвенья тщедушного,
Не люблю тщеславно манящего.

Если в этот век довелось дойти,
Значит дыбы в прошлом не сдюжили,
А вперёд чертям уже нет пути —
За спиной же лет уж с три дюжины.

За спиной не вздор, не отвал в ножах,
А дороги в камнях да в рытвинах,
И в зачёт – не чёрт, а любовь в межах
Не весной в полях – ненасытная...

И в грядущем, там, не понять что ждёт —
Понимаю суть лишь рассветную, —
Знаю только, что не тропа ведёт,
А мечта о звёздах заветная...

Ты такую далёкою кажешься...

Ты такую далёкою кажешься —
Через мир, чрез годы, столетия,
Это фото с тобою не вяжется,
А звонки... в тишине междометия.

И проказник ветер полночный, *у*
Мне твоим дыханьем не кажется,
Я бессонным веком замученный,
Жду, когда же пепел уляжется...

Я с тобой как-будто на паперти
И молю о прошлом и будущем —
Где-то в том межвременье заперти
За тобой я брёл твоим служащим.

По сей день там волей-неволею,
Недосказанным словом и мыслями —
Ты мне кажешься ночью бессонною,
Но... я знаю, что это бессмысленно...

Нервы

То в забытое, то в ненужное,
То неверием лбы сдираются,
Только нервы звенят натужные,
Да пружины часов сжимаются.

И на всё – про всё, мало времени,
И на гору взбираться – ветрено...
Будто всё в ночи, да по темени,
Или был рождён преждевременно.

Или просто надо быть каменным
И без нерв, без чувств и без племени,
Чем пылать с рождения пламенем
И бросаться жизненным семенем.

Чем долбиться в стену безмолвия,
Да о ревность жечься беспочвенно...
Только жизнь-то будет-ли полная,
Если сменит вдруг полномочия?..

Лучше так уж пусть, чем гранитною,
Пусть тягучий нерв надрывается,
Чем остаться костью забытою
Над которой ветры стебаются.

Лучше пусть трещат лбы от ревности
И часы в поре остановятся —
Лучше так, чем молча в безвестности,
Где в пустом немое не полнится...

Румяна холодных закатов...

Румяна холодных закатов
Печалют задумчивый взгляд...
Так было наверное надо —
Уйти, без оглядки назад.

В упадок пришло основанье
Раскатанных ревностью чувств —
Не нужно пустых обещаний,
Не нужно подсаживать грусть...

Разлука – немая награда, —
Кому только – мне иль тебе?
Морозят холодные взгляды
Своей укоризной извне.

Закаты свели нас когда-то,
Теперь же разводят мосты...
– Так значит мосты виноваты?
А мне всё казалось, что ты...

Возможно, кому-то ответят когда-то...

«И кажется всё не со мною и мимо...» А. Медникова

Возможно, кому-то ответят когда-то —
Не трубно, не гласно, а шёпотом – тихо,
С нутра, словно эхо отдастся: «Куда ты?
Куда ты бежишь потаенное лихо?

Постой! Разве можно вот так вот, с наскоку? —
Умерь настроенье своё и вопросы.
Не время, ни тело, ни шаг однобокий —
Ничто в этом мире не вымолят слёзы.

И стоит-ли в память и в письма цепляться,
Когда за спиною две равные жизни —
Быть может в одной и хотел бы остаться,
Но только не в той, где погода капризна...

Не проще-ли просто идти без коллизий —
Вперёд ведь всегда направлений несчётно...»
– Молчи! – ты ответишь, – не надо сюрпризов!
Я просто задал тот вопрос мимолётно...

Листья падали...

Листья падали в руки Осени
Цветом меди и жёлто-красные,
Покрывались с рассветом росами,
Янтарями светились ясными,
А в обед иссыхали замертво
Став под вечер сухой коростюю,
По ночам обмерзая мраморно,
Разметаясь утрами в росстанях...

Облака убегали белые
В безконечные дали дальние,
Косяки поднимались смелые,
Пели песни в пути печальные,
Всё тянулись в просторы южные
И в последствии возвращались все,
От того, что юга не нужные,
Что ветра развернулись уже к весне...

Листья падали в небо Осени,
Как кораблики в стьни ясные,
Бороздили ручьи, полсили, о
В берега залипали грязные.
Солнце грело совсем по вешнему —
Даже вороны пели радостно...
И уже зеленят олешины,
И комарики вьются гадостно...

Леший

Летний сон, ни на что не похожий —
Спящий лес, земляника вокруг.
Я здесь был – не чужой, не прохожий,
Тишина, что любой слышно звук...

Треснул сук – осторожно и тихо
Зверь прилёг за валежник на мох.
Волк, енот – неизвестное лихо?
Лес исторг вдруг усталости вздох.

В ельнике, от внезапности «ухнув»,
Сучья срезав, поднялась сова
И в орешнике сослепу рухнув,
Малость дёрнулась и замерла.

Чу! – опять – где-то тихая поступь,
Скрежет шишек и шелест травы.
Вдруг пульнул кто-то ягодной горстью
Мне в лицо, хохотнул и завыл...

И опять тишина – ни движенья,
Даже ветер с чего-то притих.
На щеке я почувствовал жжение,
А потом вдруг тычок... Что за псих?

Я крутнулся на месте и обмер,
Предо мною – как проще сказать —
Человек, только будто он помер,
Но не стлел – стал травой обрастать.

Голова на булыжник похожа,
Там, где темечко, ящерка спит,
А лицо – нет, скорей даже рожа,
Так похожа на метеорит.

Как пещеры, два глаза бездонных —
Не мигая смотрел на меня,
Руки, словно коряжник замщённый,
А на шее обвилась змея.

Хохотнул...
– Что обделался парень?
Ты расслабься, не трону тебя.
Да не бойся – живой я, не камень,
Любопытен ты стал для меня.

– Бродишь по лесу – шишки пинаешь,
Ничего не собираешь с собой.
Можь грибы, что съедобны, не знаешь?
Так давай покажу – я не злой.

– Ты поешь земляники – ей много!
И черники с собою сberi.
Но кустами не рви – я здесь строго
Охраняю владенья свои.

Заскрипел, повернулся мохнатый,
Лес рукою-корягой обвёл —
На пеньках появились опята,
И «лисичками» мох весь расцвёл.

Чуть подале, у самой дорожки,
Как солдатики стройные, в ряд,
В бурой шляпке, на толстенькой ножке,
Как один – «боровые» стоят.

– Что ты замер? Ступай, не стесняйся!
Побери сколько надо с собой.
Мало будет – ещё возвращайся,
Посидим, поболтаем с тобой.

– Что молчишь – говорить-то умеешь?
Меня ваши прозвали – Лешак.
Мать-честна! – я смотрю ты бледнеешь?
Да присядь. Не волнуйся ты так.

Я присел на отвал у дороги
И свалился без чувства на мох...
– Что и этот «откинул здесь ноги»?
Дышит вроде. Ещё не издох.

– Ладно, пусть оклемается малость,
Подойду когда в чувство придёт.
Надо ж, к людям почувствовал жалость.
Может час-через-два и пройдёт?

Леший встал у засохшей берёзы,
Головою прижался к стволу
И, из глаз будто брызнули слёзы
На сухую кору-бересту...

Летний сон – ни на что не похожий.
Сосны ветер качают на юг...
– Станный «этот» какой-то «прохожий»,

Долго спит – не пришёл бы каюк.

– Эй, мужик, не замёрз на земле?
Вечереет уже, комары.
Может брызнуть немного водицей?
Эй, енот – принеси мне воды!

Я очнулся – зудела вся шея,
Лоб горел, словно Солнце ожгло.
– Что задумался – трудно поверить?
Помнишь что с тобой произошло?

Я вскочил – надо ж, думал приснилось! —
И пошёл без оглядки вперёд.
Лес шептал, Солнце быстро садилось...
– Не беги же, постой идиот!

Силы словно окончились сразу —
Я присел на пенёк у тропы.
Десять сов словно «ухнули» разом...
– Выпей на ко холодной воды!

– Пей же, пей, да ступай себе с миром!
Вот, черники набрали тебе
И, с грибами возьми вот корзину —
В лес заглядывай чаще ко мне.

– Ну иди. Далеко, а ты пеший,
Тропка еле видна впереди.
Помнишь кто я?
– Конечно! Ты Леший.
– Что не так – ты меня не суди!

...Был-ли сон, или вправду случилось —
Вновь хочу навестить этот бор.
Сказка ночью сегодня мне снилась,
С Лешим, будто, я вёл разговор...

Чай покрепче заварю зимним вечером...

Чай покрепче заварю
Зимним вечером
И по чашкам разолью —
Делать нечего,
Будем до ночи сидеть
Грызть сухарики
Подливая разговор
Из заварника.

Проболтаем допоздна —
До полуночи,
Забредёт в окно Луна:
– Пьёте чудики?
Все нормальные уж спят —
Вы всё «чешете».
Может гостя к вам заслать —
Дядьку Лешего?

Пусть согреется чайком
За компанию.
Самовар уже остыл?
Так запаливай!
И вареньице неси —
Неча жадничать!
Что «залип-то» у печи —
Не начальник, чай.

Ну а где же Домовой —
Не позвали что-ль?
Что мотаешь головой,
Ну зови – изволь!
Чтобы ночку скоротать
Было весело,
Нам компанию собрать
Нужно тесную...

Мы сидели до утра —
Чай да пряники,
Подливали теплоты
Из заварника,
А когда Луна ушла,
Леший кланялся,
Домовой – тот у себя,
Приосанился...

Мы же с милой на печи,
На матрасике,
Грели спины да клячи
До двух часиков,
А заснули как к утру,
То согрелися —
На протопленной печи
Куда денешься.

...Кот к обеду разбудил —
Размяукался,
Кто-то под окном бродил,
Но не стучался,
Я потопал открывать
Босым, ножками,
Отворил – не дать-не взять —
Бабка Ёжка там...

Чай покрепче заварю
Зимним вечером
И по чашкам разолью —
Делать нечего,
Соберу гостей в дому,
Всю «нечистую»...
Чай от чая не помру,
Крепкий – выстою!

Мне дали шанс услышать тишину...

Мне дали шанс услышать тишину,
Что в Храме Жизни Боги охраняют —
Я покидая город и войну,
Иду в тот Храм... меня там понимают.

Меня там ждут – когда я прихожу,
Встречают древа вечные величием.
Здесь, наконец, себя я нахожу
Под маской снов и жалкого двуличья.

Здесь наконец я струны отпущу
И спящий Дух мой крылья мне распрямит,
И над Землёй мятежной я взлечу
Чтоб видеть то, что город затмевает.

И буду ветер слушать, буду петь —
Не в голос, нет, – душа поёт иначе,
И буду долго, долго ввысь лететь,
Пока мой Дух мятежный не заплачет...

Потом я только на земь упаду
И в мхах усну под кровлею сосновой,
И отдохнув, на войны побреду
Мир исправлять нещадный, и суровый...

Понедельник. Утро...

Понедельник. Утро. Полная маршрутка.
Люди в грязных масках... Странное кино.
Серое на сером (Стенли Кубрик будто) —
Логика, мотивы вызреть не дано.

Странная планета... Понедельник этот...
Лишь один в маршрутке с выбритым лицом.
Осознание – где ты? – странного сюжета,
Виделось такое в фильмах пред концом.

Виделись и улиц медленно бредущих
В масках, с номерами... отрешённый взгляд,
И немых маршруток в понедельник ждущих...
Был один там бритый – шёл не наугад.

Шёл не в стаде серых и дышал свободно,
И кормил свободных булкой голубей,
На него смотрели взглядом псов голодных
Особи, что в масках были посерей...

И в маршрутке этой (как и в фильмах жутких)
Люди стали маски грязные снимать,
И к концу маршрута – в понедельник утром,
На запреты свыше было всем плевать.

И кидали люди номера и маски
В мусорки, не пряча чистое лицо.
Люди сознавали, что живут не в сказке,
А как в фильмах жутких с жутким же концом...

После же – во вторник, утром, все маршрутки
Ехали без масок – весело, светло,
Говорили громко (в СССР как-будто)
И смотрели в окна как заведено...

Просыпались люди в сером, грязном мире,
Запускали разум в головах своих,
Рисовали Солнце на стенх в квартирах **a**
И осознавали – Мир их для живых!..

Поэту крылья даны с рожденья...

Рождённый ползать, летать не может,
Но для поэтов даются крылья —
Когда б искали бы искру божью,
Её частицу в стихах открыли б...

К высотам чистым взлетая слогом,
Реализуясь в бумаге смертным...
Роптали те же (понять-то сложно) —
Послать нам проще... с попутным ветром!
Крутили крылья взлетающим к небу
Не дав увидеть зари рожденье...
Кричали даже: «Не слово – хлеба!»
Сжигали книги – вот наслаждение...

Потом со злобой золу топтали...
Боялись что-ли за всё отмщенье?
А что поэту? Открыты дали...
И даже в слоге есть воскрешенье.

И даже падшим – как осознанье,
(будь каждый всуе помянут позже!)
Бывает снится... пусть понимание,
Что мысль – слово, дойти не может.

Для них полёты – былая сказка
И даже боле... стихи как слёзы.
А что до смертных – к чему подсказки,
У них под «синькой» скупые грёзы...

В финале долгом напутствий масса,
А в каждой мысли и смысл двоякий —
С рожденья крылья даны... Прекрасно!
Летать вот только не может всякий...

Нина Чигрина пгт. Максатиха

Побег из ада

Ее изба в деревне была крайней.
Там за рядами ровных, низких гряд
Сосновый лес раскинулся бескрайний,
Где партизанский создан был отряд.

В избе четыре лавки и три сына,
Ванятке первенцу всего лишь пять.
А самый старший из семьи мужчина
Ушел на фронт с фашистом воевать.

Однажды темной ночью партизаны
Пустили поезд немцев под откос,
Два дня враги зализывали раны,
На третий всех водили на допрос

Мать сухари сушила спозаранок,
А к ночи приготовилась бежать.
В холст для детей насыпала баранок,
Сама в подполье стала ход копать.

Была кругом оцеплена деревня,
Каратели все, как цепные псы.
Бил глухо колокол в церквушке древней,
Все избы факелами обнесли.

Мать детям ладанки на грудь надела,
Младенца положила в старый таз.
Тем временем изба уже горела,
Спускались вместе в страшный, темный лаз.

Молчали дети, в землю зарываясь,
Ведь выхода другого в доме нет.
От дыма едкого все задыхаясь,
За матерью своей ползли на свет.

Горели избы низко приседая.
Там пулемет очередями бил.
Стояла мать с детьми совсем седая
Сосновый лес им жизни сохранил!.

На месте той деревни обелиски
Там список жертв чудовищной войны.
Три старика стоят в поклоне низком.
Из всей деревни живы лишь они!

Семейная фотография

Вы оба только стали лейтенантами
И сразу в бой туда, где кровь и ад.
Мосты взрывали, падали под танками
И в рукопашную вели солдат.

Как часто над горящим самолетом
Не вспыхивал спасенья парашют...
За вами следом поднимались роты
На тот святой, верховный, правый суд.

Иван погиб геройски в сорок первом.
Сбит «Мессером» Андрей в сорок втором.
В огне военном закалили нервы вы
И лица ваши объаты огнем.

И что-то взглядом вашим нам завещано
С семейной фотографии в стекле.
Вписали имена свои навечно вы
В тот скорбный список павших на войне.

Письмо из прошлого

Нам было что терять, и мы стояли.
Вцепившись в горло лютому врагу.
Ценой немыслимой победу отстояли,
Все полегли под Ржевом на снегу!

Уж дети наши сильно постарели,
И внуки своих деток обрели.
Как жаль, мы воспитать их не сумели,
Без нас детишки наши подросли.

Как вам живется в двадцать первом веке?
Хватает хлеба? Нет ли новых бед?
Все так же полноводны наши реки,
И так же вольно дышит человек?

Как наш колхоз? Рожь вовремя убрали?
Иначе просто не могло и быть!
Там урожаи пышные бывали,
В деревне было интересно жить.

Там вечерами танцы в старом клубе,
Гармошка не смолкает до утра.
Девчонки все румяны, белозубы,
Природа на красавиц здесь щедра.

На поле все работали артелью,
Был в радость нам простой, крестьянский труд,
И было время песне и веселью,
Какие песни там теперь поют?

Перевернула все судьба лихая,
Война прошла катком по всей стране!
Хлебнула горяшка земля Тверская,
Мы жертвой пали в той святой войне.

Но верим, что о нас вы не забыли!
Мы сделали тогда все, что могли,
Хотим, чтоб вы спокойно в мире жили,
Как мать, родную землю берегли!

Дежавю

Я не писала о войне,
О ней я очень мало знала.
Как вдруг стихи пришли ко мне
У Ржевского мемориала.

В крови тут каждый метр земли,
И время на века застыло.
Здесь сотни тысяч полегли,
Рядами в братские могилы!

Я вдруг увидела так ясно,
Как порох там земля горела.
И было мне реально страшно,
Что верить в это не хотелось..

Боль ощутила наяву,
Как будто выстрелили в спину!
И кровь струилась на траву,
Горела старая осина.

Вдруг речь немецкая, как лай,
От страха кровь застыла в жилах:
Хотят поджечь с людьми сарай,
Я видела! Мне не приснилось!

Перемешались кровь и грязь,
Со мною точно это было!
Душа от ужаса рвалась,
Она все помнит, не забыла!

Ужели это дежавю,
Как будто бы волной накрыло.
Так сколько жизней я живу,
Коль о последней не забыла?

Сапоги

Грохочут сапоги по мостовой,
Холодный ветер волком завывает.
Вернется ль, кто ни будь из них живой,
Наверно сам Господь пока не знает.

Идут солдаты по родной земле,
В пыли дорожной лица посерели.
Никто из них не думал о войне
Надев вчера солдатские шинели.

Коль с запада чужие сапоги,
Как туча черная идут стеною,
То будут уничтожены враги,
Чего б не стоило! Любой ценою!

Чеканят по брусчатке сапоги,
Героев правнуки идут парадом.
Торжественны их лица и строги.
Бессмертный полк, в строю шагает рядом.

И чем бы, не грозили нам враги,
Забыв про нашу славную Победу,
Оденут вновь ребята сапоги,
Не посрамят своих отцов и дедов!

Миражи

Держать оборону! Ни шагу назад!
Из штаба приходят приказы.
А в первых рядах новобранцы стоят,
В бою не бывали ни разу!

С винтовкой на танки бегут через ров!
Едва разрядили обоймы,
А адова печь жаждет новых бойцов
В кровавую, жуткую бойню.

Ревут самолеты, деревни горят,
Гарь черная солнце закрыла.
А целая рота советских солдат
Нашла приют в братских могилах.

Так сколько же их в этот день полегло?
Наверно и в штабе не знали.
Каратели утром спалили село,
И храм с колокольней взорвали

В лесах подо Ржевом живут миражи,
Их много, копатели знают.
То наши солдаты плутают во ржи,
То немцы шеренгой шагают.

Наверно пройдет еще множество лет,
Когда успокоятся души.
Пока убиенным пристанища нет,
То будет покой их нарушен!

Ржевский мемориал

Как скорбна в этом месте тишина!
Пulsирует закат багряной кровью.
И, кажется, не кончилась война.
И снова рвутся немцы к Подмосковию.

Ордой несметной по святой земле
В обличье демонов прет вражья сила.
Погибла рота в огненном котле,
А танки-миражи заходят с тыла!

Я будто слышу крепкий русский мат,
Призыв сразиться в рукопашной!
Свист, грохот, вой, опять летит снаряд!
В аду, поверь, так не бывает страшно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.